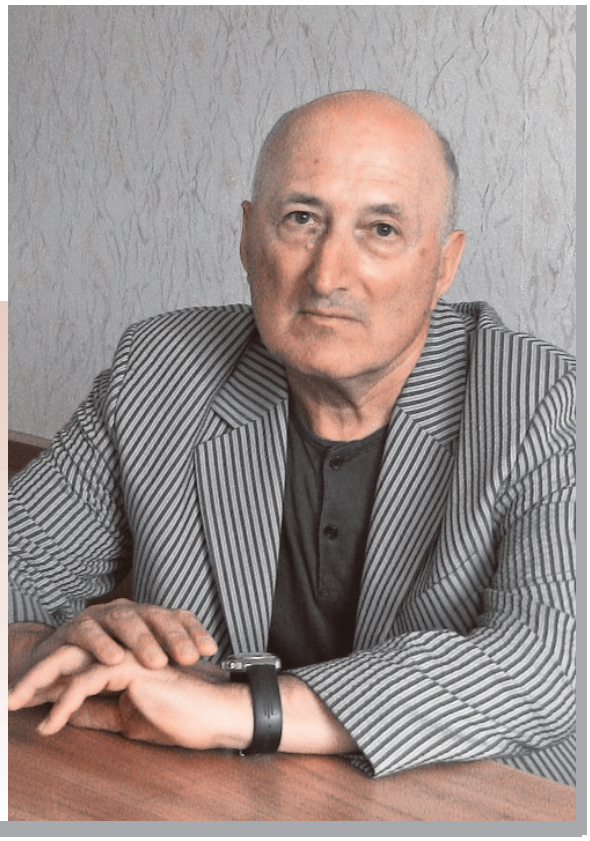
Виктор ЛОСЬ
– доктор философских наук,
профессор РАГС

Россия, опираясь на принцип евразийства, балансируя между вестернизацией и ориентализацией, имеет исторические предпосылки для конструктивного сочетания западного экономического динамизма и восточной адаптивности, обеспечивающего выход на уровень перспективного исторического развития.

Нужна ли нам национальная стратегия устойчивого развития?

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, уже поднимался в 90-х годах, когда после завершения Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92) принятую мировую стратегию пытались адаптировать к национальным реалиям. И хотя были проведены фундаментальные научные исследования и подготовлены проекты важных решений (см., в частности, Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»), ситуация, сложившаяся в России к концу XX в., отнюдь не благоприятствовала принятию национальной стратегии устойчивого развития.

К началу XXI в. условия «игры» в стране существенно меняются: стабилизируется политическая ситуация, наблюдается значительный экономический рост, улучшается положение населения в целом. Россия активизирует участие в реализации программы Рио-92, ратифицируя (в 2004 г.) Киотский протокол, который является составной частью мировой стратегии устойчивого развития. Конструктивный характер носят российские предложения и на климатическом саммите (Копенгаген, декабрь 2009). В стране реализуются программы (приоритетные национальные проекты), принимаются фундаментальные документы – Экологическая доктрина (2002); Энергетическая доктрина (2006); Стратегия национальной безопасности РФ (2009) и Климатическая доктрина (2009), имеющие принципиально прогностическую направленность. Россия, завершив «нулевое десятилетие», создала неплохую основу для прорыва в инновационное будущее.

Конечно, мировой экономический кризис корректирует темпы национального динамизма. Тем не менее исторически объективно и экономически неизбежно преодоление Россией стереотипов ресурсной экономики и переход к инновационной модели развития. По существу инновационная экономика – фактический

механизм, обеспечивающий реализацию национальной стратегии устойчивого развития. Суть этой стратегии заключается в формировании такой социоприродной системы, которая, во-первых, обеспечивала бы удовлетворение рациональных (и все возрастающих) материальных, энергетических, духовных потребностей социума; во-вторых, была бы стабильна по отношению как к внутренним, так и к современным внешним факторам воздействия; и, в-третьих, сохранила бы динамическое равновесие в исторической перспективе.

Фундаментальная трактовка устойчивого развития предполагает выход на уровень нового типа функционирования социума, в процессе формирования которого радикально трансформируются важнейшие направления человеческой деятельности. А именно:

- в экономической сфере – преодоление стереотипов количественного подхода и распространение идеологии качественного роста (переход от принципа «больше – лучше» к принципу «малое – прекрасно»);
- в социальной сфере – реализация относительно многоукладной общественной структуры, сочетающей как рыночные, так и государственные механизмы управления (переход от принципов «рынок решает все» или «максимизация государственного вмешательства» к принципу «социального и экономического плюрализма»);
- в технологической сфере – распространение инновационных научно-технологических решений (переход от принципа «разомкнутости деятельности» к принципу «относительной замкнутости» производственно-хозяйственных и социокультурных процессов);
- в природоохранной сфере – учет не только экономической, но и экологической составляющей деятельности во всех сферах бытия (переход от принципа «природа – мастерская, а человек – в ней работник» к принципу «коэволюции человека и природы»);
- в информационной сфере – трансформация все большей части материально-хозяйственной деятельности социума в компьютерно-мониторную форму (переход от принципа «материализации деятельности» к принципу ее «виртуализации»);
- в международной сфере – провозглашение стратегии на преодоление конфронтации между различными ветвями мировой цивилизации, установление между ними выраженного активного взаимодействия (переход от принципа «думай глобально, действуй локально» к принципу «думай и действуй глобально»);
- в культурологической сфере – стремление к сохранению баланса между унификацией развития и национальной идентичностью (переход от принципа «культурной вестернизации» к принципу «пусть расцветают все цветы»);
- в прогностической сфере – эффективность принятия решений во всех областях (экономической, социальной, технологической и др.) предполагает учет как ближнесрочных, так и долгосрочных последствий (переход от принципа «после нас хоть потоп» к принципу «настоящее – ключ к будущему»).

Стратегия устойчивого развития – ответ мирового сообщества на вызовы современной цивилизации. Ее западная и восточная ветви активно ведут поиск концептуальных моделей развития, обеспечивающих динамику и историческое выживание в третьем тысячелетии. Однако их сущностные ориентиры, целевые установки и ситуационные условия диаметрально противоположны. В основе цивилизации западного типа – христианский антропоцентризм, в соответствии с которым именно человек и его потребности определяют механизмы и стереотипы исторического динамизма. При этом западная цивилизация носит имманентно экофобный характер, решая человеческие (социальные) проблемы за счет «бульдозерного» воздействия на природную среду.

Экофобность западной модели развития – один из определяющих элементов ее исторического динамизма. Вместе с тем экстраполяция этих тенденций ведет к деградации (и даже коллапсу) глобальной социоэкосистемы. Этот вывод Римского клуба, сформулированный еще в начале 1970-х годов, не только не был опровергнут, а, напротив, неуклонно подтверждался в последующих десятилетиях. Отсюда практический интерес западных стран к стратегии устойчивого развития как механизму преодоления кризисных стратегических тенденций в условиях все расширяющейся глобализации. Большинство из них, прежде всего страны ЕС, достаточно активно работают в этом направлении, имея неплохой «задел» в виде стратегии «экологического развития», реализуемой в 70-90-х годах XX в. У западных стран есть возможности (экономические, технические и др.), используя достижения высоких технологий, нивелировать последствия традиционной экофобности и повышать на национальном уровне «степень экофильности» (биосферизация рынка, экологизация индивидуального сознания и т. п.).

Принципиально иная ситуация складывается для подавляющей части развивающегося мира. Восточным цивилизациям соответствует биосфероцентризм (природоцентризм). Человек восточного типа, опираясь на традиционные религиозно-культурологические стереотипы (буддизм, индуизм, конфуцианство, ислам и др.), не противопоставляется природе, а стремится вписаться в окружающий природный мир (экофильность). И хотя мировая культура имеет глубокие восточные корни, тем не менее экофильность ориентальной модели развития предстает как один из решающих факторов неуклонного отставания (экономического, технологического и т. п.) восточных социумов в исторической гонке цивилизаций. При этом генетическая экофильность ориентализма отнюдь не ведет к реальной гармонизации национальной социоприродной системы. Напротив, во второй половине XX в. острота

мировой социально-экологической ситуации динамично перемещается в страны Юго-Восточной Азии. Экспансия вестернизации оборачивается повышением «степени экофобности» восточной модели развития.

Таким образом, ни абсолютизация восточных ценностей (с их природоцентристским измерением), ни доминирование западных стереотипов (с их антропоцентристским воззрением) не обеспечивают перспективного позитивного развития глобальной социоприродной системы. Очевидно, что лишь реализация принципа дополнительности («кентраврности»), когда западные и восточные стереотипы и ценности будут находиться в состоянии взаимосвязи, позволит мировому социуму выйти на уровень позитивного прогностического динамизма. Именно «кентаврный» тип развития, основанный на интеграционных представлениях вестернизации и ориентализма, выявляет свою эффективность в современной экономической и социальной реальности («японское чудо», динамизм Китая, перспективность Индии). Однако если для «новых индустриальных стран» искомая «кентаврность» носит приобретенный характер, то «кентаврный» тип развития имманентно (генетически) присущ цивилизации российского типа.

Для российской ментальности характерны стереотипы, увязывающие интересы личности с ценностями социума (соборность), сочетающие активность Запада и гармонию Востока. Иначе говоря, теоретически национальная (русская) культура создает предпосылки для эффективного и конструктивного исторического динамизма России, воспринимающей все лучшее, что создано в рамках мировой цивилизации, ее отдельных ветвей. Задача заключается в том, чтобы российский потенциал получил практическое измерение, обеспечив высокий статус России в глобализированном мире, соответствующий ее исторической и социокультурной традиции. Управляемость глобализированного мира связывается мировым сообществом с реализацией стратегии устойчивого развития. Большинство промышленных стран претворяют в жизнь соответствующие национальные стратегии.

Конечно, принятие (и главное – реализация) государственной стратегии (программы) УР – не простой процесс. Необходимо выйти на определенный уровень экономического развития, принять зачастую непопулярные политические решения, получив при этом общественную поддержку. Население России, уставшее от экономических трудностей и прежней политической неопределенности (это показывают социологические опросы), не рассматривает экологические идеи, составляющие важнейшую часть УР, как приоритетные. И это, очевидно, принимается во внимание политическими лидерами.

Однако если учесть, что в России по-прежнему активно обсуждается проблема общенациональной идеи, призванной объединить социум в его продвижении в будущее, то не следует ли более внимательно отнестись к УР-стратегии, выявив ее российскую специфику? Именно в ее рамках можно было бы, вписавшись в мировую стратегию, предложить собственную модель, учитывающую национальные ценности, стереотипы и реальные условия. Более того, в России имеются объективные предпосылки для ее осуществления. Отметим важнейшие из них.

Государственничество. Российская ментальность традиционно патроналистски воспринимает управляющие функции государства. Вся стратегия современной политической системы с начала «нулевого десятилетия» связана с провозглашением (и отчасти реализацией) реформ, направленных на укрепление российской государственности. В идеале представление о сильном государстве включает в себя деятельность, направленную на повышение качества жизни человека. При этом индивидуум внутренне поддерживает государственную стратегию, ибо ее целевые установки ему имманентны. Динамизм государства обусловлен балансом между степенью управляемости социумом и свободой человека в реализации его целевых установок.

Природно-ресурсный потенциал. В России сохранились значительные запасы природных ресурсов, что позволяет сочетать экономический динамизм с относительным равновесием национальных естественных экосистем. На российской территории имеются залежи практически всех видов полезных ископаемых и ресурсов органического топлива в масштабах, удовлетворяющих национальные потребности. Именно энерго-минерально-сырьевая база (актуальная и потенциальная) обеспечивает современной России фундамент национального социально-экономического развития. Между тем перспективная стратегия связана с преодолением ресурсных стереотипов, отказом от завышенных показателей природоемкости производственно-хозяйственной деятельности, переходом к масштабному использованию высоких технологий и более эффективному учету экологических стереотипов.

Традиции высокой науки. Россия относится к числу стран, в которых исторически развивается фундаментальная наука. В течение большей части XX в. отечественная наука, воспринимая мировой опыт и опираясь на национальные традиции, стремилась сохранять высокий научный потенциал. И хотя она неуклонно утрачивала стержневые элементы, поддерживавшие ее в прошлый период, кризис еще не перешел точку «невозврата», и есть возможность придать ей утраченную инновационность. По-прежнему существуют базисные основания науки: постепенно увеличивается финансирование академических институтов, укрепляется вузовская наука, в определенной степени сохранены научные школы и интеллектуальные кадры, не утрачен интерес к науке у молодежи. «Инновационный взрыв», связанный с развитием науки, призван обеспечить исторический динамизм России.

Демографические условия. В России складывается специфичная демографическая ситуация, обусловлен-

ная особенностями современного социально-экономического развития. С середины 90-х годов в стране сокращается численность населения, снижается рождаемость, повышается смертность, уменьшаются показатели средней продолжительности жизни. Тенденция депопуляции сопровождается структурными социально-демографическими диспропорциями, снижением качества жизни населения.

Россия нуждается в активной демографической политике, которая привела бы в ближайшей перспективе к росту народонаселения. Официальные данные свидетельствуют, что соответствующие мероприятия (материнский капитал, увеличение пособий на детей и др.) уже обозначили положительные тенденции. Вопрос лишь в том, имеют ли эти тенденции определяющий или временный характер. При этом умеренные темпы демографического прироста (выход на уровень «демографического оптимума») – один из определяющих факторов реализации УР-стратегии.

Итак, Россия имеет реальные предпосылки для того, чтобы включиться в реализацию мировой УР-стратегии с учетом национальной специфики. Лидеры страны не воспользовались ими в условиях предшествующих «тучных лет». Не до этого, как вполне очевидно, и сейчас – в период экономической рецессии. Однако в любом случае (позднее или раньше) кризис завершится. И тогда с прежней (если не с большей) остротой встанет вопрос о стратегических перспективах России: подходит ли ей адаптация мировой стратегии, принятой большинством развитых стран, или же ей уготован иной путь, ведущий к национальному процветанию?

Если провозглашается курс на повышение качества жизни человека, стратегическая экономическая модель России вряд ли может радикально отличаться от ориентиров и механизмов, реализуемых в развитых странах. Но развитые страны активно реализуют инновационную модель экономики, тогда как в России только ставится задача подобного рода. Более того, современная российская экономика – прямая наследница стереотипов советского природопотребительства, исходившего из принципа «неисчерпаемости природы».

Выход на уровень перспективного экономического роста предполагает радикальную трансформацию современной социально-экономической модели развития России. Речь идет не столько о проблемах, связанных с «нефтяной трубой», сколько о развитии реальной экономики, ее модернизации и эффективности, обеспечивающих, в конечном счете, повышение качества жизни человека и статус страны в мировой социоприродной системе. Именно в этом и заключается сущность стратегии устойчивого развития.

В России в отличие от большинства развитых стран не принята соответствующая национальная стратегия. Чем можно объяснить (но не оправдать) ситуацию подобного рода?

Во-первых, Россия, динамично развиваясь в первые восемь лет XXI в., до современного экономического кризиса, тем не менее, по основным экономическим показателям все еще ближе к тем странам, которые ориентируются на доминирование не качественных, а количественных характеристик человеческого развития.

Во-вторых, мировая ресурсная (нефтяная) конъюнктура по-прежнему позволяет российской элите, радикально не меняя социально-экономической стратегии, обеспечить сравнительную стабильность национального развития.

В-третьих, население России, оказавшись с начала 90-х годов в трудном положении (экономическом, политическом, психологическом и др.), не готово к восприятию и реализации решений, которые можно было бы трактовать как ограничение экономического роста (и потребления).

В-четвертых, политический монизм затрудняет возможности для активной деятельности групп, движений и партий, предлагающих альтернативные пути развития России.

В-пятых, усиливается влияние политических объединений, негативно оценивающих роль глобализации (и УР-стратегии) для позитивного развития страны.

Следовательно, тактически лидеры России, стремясь к стабильности, имеют все основания не рассматривать стратегию УР как реальную ближнесрочную прогностическую национальную модель, ибо ее реализация требует радикальных изменений основных характеристик сложившейся системы. К этим изменениям политическая элита не готова, поскольку стремится «не раскачивать лодку».

Стратегически это решение ошибочно, так как не имеет дальнесрочной перспективы, не увязывает национальные и глобальные ориентиры развития. Россия, как практически все страны мирового сообщества, купила билет на общий поезд, подписав документы ООН об устойчивом развитии. Но, образно говоря, если развитые страны уже не только вошли в вагон, но и расположились в купе, то Россия еще раздумывает: входить или не входить в вагон?

В начале XXI в. Россия оказалась на «перекрестке» уникальной прогностической мировой ситуации. Опираясь на принцип евразийства, балансируя между вестернизацией и ориентализацией, наша страна имеет исторические (генетические) предпосылки для конструктивного сочетания западного экономического динамизма и восточной адаптивности, обеспечивающего выход на уровень перспективного исторического развития. Вместе с тем, если не изменится реальное отношение к модернизации типа национального развития (от экономизма к экологизму и устойчивости), то Россия, «забуксовав» в XX столетии, рискует проиграть исторически XXI в.

Очевидно, что это в полной мере осознается лидерами страны. Именно в этом контексте предстает разработка стратегии развития России до 2020 г. Ее суть – преодоление стереотипов энерго-сырьевой модели, выход на уровень инновационной экономики, реализация

в полном объеме человеческого потенциала. Тем самым выдвигается долгосрочная национальная стратегия, преодолевающая традиции экспоненциального роста, ориентирующаяся на качественные критерии развития на основе инноваций во всех сферах деятельности, позволяющая приблизиться к высоким показателям качества жизни человека.

Российские лидеры нечасто используют термин «устойчивое развитие». Им ближе понятия «модернизация», «высокие технологии», «инновации» и др. В сущности это и есть «базовые элементы» УР-стратегии.

Реализация тезиса о «новой России», ее историческом динамизме предполагает формирование основ современной стратегии устойчивого развития страны, установление баланса между экономическими, экологическими и социокультурными процессами социума. Искомый баланс может быть достигнут лишь на инновационной основе.

Обобщение идей, сформулированных в документах, принятых в России в течение «нулевого десятилетия», по сути дела, представляет собой концептуальную основу национальной УР-стратегии. Вхождение России в число стран – участников «клуба устойчивого развития» – важный показатель ее статуса в мировой динамике.

В 2012 г. должен быть проведен очередной мониторинг ООН по реализации мировой стратегии устойчивого развития – «двадцатилетие Рио-92» (десятилетие после Йоханнесбурга). Неплохо было бы к этому времени получить первые результаты реализации национальной инновационной стратегии, повышающей «степень устойчивости» России в предельно глобализированном будущем.

Александр ШАПАРОВ

Роль государства в развитии образовательной миграции

Иммиграционная политика в условиях демографически несамодостаточного общества нацелена не только на восполнение количественной убыли населения. Продуманная и взвешенная иммиграционная политика позволяет решать задачи повышения качества населения страны. Опыт Канады, Австралии, США и других развитых стран показывает, что в структуре их национальных иммиграционных политик за прошедшие три десятилетия прочное место заняла образовательная миграция.

Важной характеристикой национальной системы образования, свидетельствующей о ее конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг, является число иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях страны. По данным издания «Education at a Glance», в 2006 году в мире насчитывалось около 2,9 млн иностранных студентов [1]. Усиливающийся разрыв между развитыми странами и остальным миром проявляется и в области образовательной миграции. Около 2,4 млн иностранных студентов (83,5%) пришлось на страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). СССР активно занимался подготовкой специалистов для развивающихся стран, причем если в 1960-1970-е годы доля студентов, обучавшихся в СССР, в общемировом контингенте иностранных студентов составляла около 6%, то к 1991 г. этот показатель превысил 10% [2]. Россия, наоборот, на рубеже тысячелетий утратила часть позиций на международном рынке образовательных услуг.

Все развитые государства мира стараются увеличить долю иностранных студентов в национальных учебных заведениях. Среди причин, побуждающих государства к активной политике в отношении учебных мигрантов, можно выделить: 1) экономические, заключающиеся в стремлении к получению дохода от экспорта образовательных услуг; 2) демографические, позволяющие привлечь качественных носителей человеческого капитала; 3) культурные, состоящие в распространении языка, норм и ценностей страны в ходе получения образования; 4) геополитические, открывающие возможности политического влияния на формирование элит государств происхождения мигрантов. Например, 46 действующих и 165 бывших глав государств обучались в университетах США. Среди них Б. Бхутто (Пакистан), Э. Барак (Израиль), Х. Карзай (Афганистан), К. Аннан (ООН) [3, p.3]. Кроме того, привлечение иностранных студентов развитыми государствами позволяет им усилить модернизационный потенциал национальных образовательных систем, свои позиции на международной арене, а также расширить систему межгосударственных связей и взаимодействий.

Как показывает опыт развитых стран, к важным инструментам иммиграционной политики, воздейст-

Александр ШАПАРОВ – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Архангельского государственного технического университета